

Р. Г. Гагкуев

Генерал С. Л. Марков в январе — апреле 1917 г.

Генерал-лейтенант Сергей Леонидович Марков (1878–1918) относится к числу наиболее известных русских офицеров начала XX в. На начало Первой мировой войны за его спиной были участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., преподавание в ряде военно-учебных заведений, в том числе в Академии Генерального штаба. Автора нескольких учебников для военных вузов и исторических трудов вполне могла ожидать карьера военного ученого и теоретика.

Первая мировая война внесла коррективы в его жизнь. В годы войны С. Л. Марков в разные периоды занимал почти все возможные для офицера Генерального штаба должности. В начале войны полковник Марков служил в штабе Юго-Западного фронта, а затем — в штабе 19-й пехотной дивизии. В декабре 1914 г. он был назначен начальником штаба 4-й стрелковой «железной» бригады под командованием генерал-майора А. И. Деникина¹, с которым они стали близкими друзьями и соратниками на все оставшиеся годы жизни Сергея Леонидовича. В скором времени Марков был назначен командиром одного из полков «железной» бригады — на протяжении полутора лет он командовал 13-м стрелковым полком. Произведенный в конце 1915 г. в генерал-майоры, Марков в апреле 1916 г. получил новое назначение — начальника штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии (на Кавказском

**Гагкуев Руслан
Григорьевич**
доктор исторических
наук, ведущий
научный специалист
Центра военной
истории России
Института
российской истории
РАН (Москва, Россия)

фронте он пробыл несколько месяцев). Осенью 1916 г. он находился в Петрограде, преподавая во вновь открывшейся Академии Генерального штаба. Еще до начала революционных событий 1917 г. — 1 (14) января 1917 г. — он принял желаемое назначение на фронт, получив должность генерала для поручений при командующем 10-й армией Западного фронта генерале от инфантерии В. Н. Горбатовском². На этой должности Марков встретил Февральскую революцию.

В революционный 1917 г. карьера Маркова резко пошла вверх, чему способствовали назначения на разные командные посты его друга генерал-лейтенанта А. И. Деникина. 15 (28) апреля Марков покинул 10-ю армию, получил должность командующего 10-й пехотной дивизией. Но уже 12 (25) мая Сергей Леонидович был вызван в Ставку и назначен вторым генерал-квартирмейстером при верховном главнокомандующем генерале от инфантерии М. В. Алексееве³ (начальником штаба главнокомандующего в это время был генерал-лейтенант Деникин, лично рекомендовавший Маркова). В мае 1917 г., после отставки Алексеева с поста верховного главнокомандующего, Деникин получил назначение главнокомандующим армий Западного фронта. Вслед за ним 10 (23) июня исполняющим обязанности начальника штаба армий Западного фронта был назначен Марков. Наконец, после назначения Деникина главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта должность его начальника штаба с 4 (17) августа также занял Марков (16 (29) августа он был произведен в генерал-лейтенанты).

Последовавшие вскоре события Корниловского выступления привели к аресту Деникина и Маркова, их заключению в Бердичеве, а затем в Быхове. В ноябре 1917 г., вместе с другими генералами, поддержавшими в августе 1917 г. Корнилова, Марков отправился на Дон. С именем Маркова связаны начало формирования Добровольческой армии и ставший легендарным для Белого движения Первый Кубанский («Ледяной») поход. Во время похода Марков командовал Сводно-Офицерским полком, впоследствии получившим его именование шефство. 12 (25) июня 1918 г., в начале Второго Кубанского похода Добровольческой армии, генерал Марков был смертельно ранен у станции Шаблиевка.

Период жизни Маркова с января по апрель 1917 г., когда он оказался в центре революционных событий, разыгравшихся на Западном фронте, остается одним из наименее известных в его биографии. Едва ли не единственным источником о жизни Маркова в эти месяцы до недавнего времени оставались отрывки из его дневника (с 1 (14) марта по 13 (26) апреля), опубликованные А. И. Деникиным в 1921 г. в первом выпуске «Очерков русской смуты»⁴. Ряд новых документов позволяют в существенной степени уточнить деятельность генерала Маркова в тот период, когда он занимал должность генерала для поручений при командующем 10-й армии.

Прибыв в штаб 10-й армии Западного фронта Марков, стремившийся к активной работе, был угнетен отсутствием реального дела для себя. Об этом свидетельствуют его письма за январь — февраль 1917 г. к супруге Марианне Павловне⁵, почти в каждом из которых он сообщал об отсутствии какой-либо активной деятельности. «Я почти все время в разъездах, — писал он 22 января (4 февраля). — Плохо то, что нет определенного дела, куда не пойдешь всем можешь помешать... Бездельничая я здорово и в этом самый большой минус»⁶. 26 января (8 февраля)

Съезд военных редакторов, 1917 г. В центре сидит третий справа — председатель съезда капитан А. П. Брагин; третий слева — генерал С. Л. Марков (Искры. 1917. 25 июня).

он вновь жаловался: «Место мое прекрасное в смысле начальства и сослуживцев, но дело скучное, а вернее его совершенно нет. Это и только это меня удручает. Ездить по фронту (что я проделал уже шесть раз) и быть глазами командующего армией — не работа. Угнетает меня исключительно милое отношение Горбатовского. Это умный, хороший, честный старик. С ним приятно говорить и легко высказывать что думаешь»⁷.

Однако уже в скором времени спокойное течение жизни на фронте, где в это время не было крупных операций, сменилось революционными событиями. 4 (17) марта Марков писал жене: «Я ужасно беспокоюсь о вас (жене и детях. — Р. Г.), что с вами, как вы живете, есть ли продукты, хватает ли денег? ... Слежу за тем, что делается у вас, и думаю лишь о победе над немцами. Верю твердо в светлое будущее России»⁸. Уже 5 (18) марта Марков получил, видимо, первый для себя опыт выступления на вокзале города Молодечно (в котором находился штаб 10-й армии) перед революционными солдатами, о чем рассказал в дневнике: «Наша поездка на вокзал; говорил с толпой на дебаркадере⁹; все мирно, хорошо»¹⁰.

Отдельного внимания заслуживают отношение Маркова к Февральской революции и его политические взгляды. В некоторых воспоминаниях он предстает как монархист, крайне негативно относящийся к республиканской форме правления.

Генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов со своими соратниками на станции Быхов. По номерам: 1. Л. Г. Корнилов. 2. Генерал-лейтенант А. И. Деникин. 3. Генерал-лейтенант Г. М. Ванновский. 4. Генерал-лейтенант И. Г. Эрдели. 5. Генерал-лейтенант Е. Ф. Эльснер. 6. Генерал-лейтенант А. С. Лукомский. 7. Генерал-майор В. Н. Кисляков. 8. Генерал-майор И. П. Романовский. 9. Генерал-лейтенант С. Л. Марков. 10. А. Ф. Аладьин (член Государственной думы). 11. Генерал-майор М. И. Орлов. 12. А. П. Брагин. 13. Полковник В. М. Пронин. 14. С. Ф. Никитин. 15. Иванов. 16. И. В. Никоноров. 17. Полковник Л. Н. Новосильцев. 18. В. Е. Роженко. 19. Есаул И. А. Родионов. 20. И. Г. Соотс. 21. В. В. Клецанда. Осень 1917 г. (Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 — апрель 1918 г. Paris, 1922).

В вышедшей в 1960-е гг. двухтомной истории марковцев под редакцией подполковника В. Е. Павлова¹¹, основанной на воспоминаниях многих чинов Добровольческой армии, Марков охарактеризован как монархист. Так, в эпизоде, описывающем участие Маркова в праздновании нового 1918 г., приводятся его слова о будущей власти в России: «Первый тост генерал Марков поднял за гибнущую Родину, за ее императора, за Добровольческую армию, которая принесет всем освобождение... Между прочим, он высказал свою наболевшую мысль, что в этот черный период русской истории Россия не достойна еще иметь царя, но когда наступит мир, он не может себе представить Родину республикой»¹².

Вместе с тем дошедшие до нас документы не позволяют сделать однозначного вывода о политических взглядах Маркова. Историк В. В. Бондаренко указывает:

при анализе записей дневника Маркова «легко заметить, что 38-летний генерал ни словом не упоминает ни об отречении императора, ни о самом факте ликвидации монархии в стране. Вряд ли Марков обошел бы вниманием эти события, будь он ярким монархистом»¹³. На сомнительность монархизма Маркова обратил внимание и С. В. Холяев¹⁴. Однако ряд сокращений в опубликованном Деникиным тексте (в нем опущены как отдельные слова и предложения, так и записи за целые дни), к сожалению, не позволяют в полной мере выяснить отношение Маркова к падению монархии. В одной из дневниковых записей за март 1917 г. Марков указывал: «Я счастлив буду, если Россия получит конституционно-демократический строй, и пока не представляю себе Россию республикой»¹⁵. Фраза говорит, с одной стороны, о его недоверии к республиканской форме правления, с другой — о его возможной приверженности форме конституционной монархии. Деникин, вспоминая события осени 1917 г., писал о Маркове: «Помню, как однажды, после обсуждения судеб русской революции, ходивший крупными шагами по комнате Марков вдруг остановился и с какой-то детской доброй и смущенной улыбкой обратился к нам: “Никак не могу решить в уме и сердце вопроса — монархия или республика? Ведь если монархия — лет на десять, а потом новые курбеты (*фр.* повороты, изгибы. — *Р. Г.*), то, пожалуй, не стоит...” Эти слова весьма знаменательны: они являются отражением тех внутренних переживаний, которые испытывала часть русского офицерства, мучительно искавшая ответа: где проходит грань между чувством, атавизмом, разумом и государственной целесообразностью»¹⁶.

В то же время неизвестные широкому кругу читателей отрывки из дневника Маркова за 1917 г.¹⁷, а также другие вновь опубликованные документы говорят о том, что в первые месяцы революции он не питал особой симпатии к ушедшему монархическому строю. По справедливому замечанию А. В. Ганина, такое отношение к монархии и революции было характерно для мировоззрения «русской военной элиты между Февральской революцией и Корниловским выступлением. Тогда генштабисты критически отзывались о старом режиме и еще не разочаровались во Временном правительстве»¹⁸. В письме А. Ф. Керенскому от 15 (28) июля 1917 г. Марков писал: «Так же как и Вы, я всей душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого»¹⁹. «Злая ирония, впервые в моей жизни, когда, наконец, Россия стала свободной, я лишился свободы», — писал Марков в дневнике 30 августа (12 сентября) 1917 г., во время заключения на гауптвахте Бердичева, где он оказался после Корниловского выступления. 31 августа (13 сентября) он подробно высказался о предъявляемых ему обвинениях в симпатии к бывшему императору: «Волнение на Лысой горе 28-го [августа] вызвано провокацией — будто мы желаем восстановить Николая II. Нашли, кого в этом обвинять. Я совершенно не скрываю и никогда не скрывал своих взглядов и симпатий, их все знали и не только терпели, но повышали, и даже в 39 лет от роду дали генерал-лейтенанта чин. А теперь попали на положение политических преступников»²⁰.

Между тем революционные события в армиях Западного фронта развертывались стремительно. Уже 5 (18) марта 1917 г. генерал от инфантерии В. Н. Горбатовский²¹ отдал приказ по армии № 385, в котором сообщал о победе революции. Стихийно начавшиеся в войсках формирования комитетов разного уровня, а также аресты и расправы над офицерами вынудили Горбатовского почти целиком

посвятить приказ необходимости сохранения дисциплины²² в армии: «Быстро развернулись события. Возникшие после роспуска Государственной думы волнения могли создать в стране состояние полной анархии, полного произвола, — писал командующий 10-й армией. — Государственная дума в лице избранных ею представителей взяла в свои руки временное управление страной, кладя в основание своей работы победу над упорным и сильным врагом, жаждущим поработить Россию и сделать нашу родину германской колонией. История покажет, что к настоящим событиям привело Россию влияние Германии, но Германия ожидала иных результатов. На внутренней нашей разрухе она строила свои планы победы. Ей мерещились бунты рабочих, забастовки фабрик и заводов, потоки крови внутри России, пролитой русскими же солдатами. Но ход событий пошел по иному руслу. Новая власть выдвинула лозунг — “все для победы”, т. е. все для армии». Для воздействия на своих подчиненных Горбатовский использовал пример Великой Французской революции, неизменно подчеркивая важность сохранения дисциплины для победы над внешним врагом: «История повторяется, она имеет свои законы, свою неизбежную последовательность и постепенность. Невольно вспоминаются страницы истории Франции в конце XVIII в. Ободранная, голодная, но сильная духом и верой в светлое будущее родины, французская армия дает победы на полях Италии и удивляет пирамиды Египта своей железной стойкостью. И скоро, скоро недавний враг делается рабом, а Франция из побеждаемой — повластной победительницей. Но эти победы, явившись как результат народного духа, могли иметь место лишь при условии наличности в рядах армии единой твердой воли и железной дисциплины. В лице обожаемого верховного главнокомандующего (великого князя Николая Николаевича²³. — Р. Г.) мы получили единую, твердую волю, а в самих себе носим суровую дисциплину повиновения. Пусть провозглашенные принципы свободы, близкие нашему сердцу, не коснутся нас, как военных. Армия должна оставаться армией. Пусть все от старших генералов до младшего стрелка заклеят позорным пятном тех из офицеров, которые во имя популярности и ложно понимая слово “свобода” забудут свою роль начальника и пусть армия вышвырнет их из среды своей тех солдат, которые нарушат необходимую армии как воздух дисциплину. Повелевать может только тот, кто умеет подчиняться. Победу даст лишь организованная, спаянная суровой дисциплиной армия. Пусть там в тылу дела идут своим чередом, пусть вся обновленная Россия думает и работает на армию, а мы во имя Родины и ее славы все наши думы, все наши силы направим к достижению одного — “победы”»²⁴.

Приказы командования пытались не допустить того, что реально уже происходило во многих в полках и дивизиях, в особенности расположенных в тылу действующей армии. В середине марта Горбатовский вынужден был отправить генерала Маркова в Брянск, где продолжались волнения в гарнизоне города, развернувшиеся с началом Февральской революции. Уже 5 (18) марта в Брянске образовался Совет военных депутатов, представлявший 40-тысячный воинский гарнизон уезда. Утром 7 (20) марта солдаты Брянского гарнизона вышли на улицы города. Командный состав Брянского гарнизона, попытавшийся сохранить власть в своих руках, был арестован. Группа солдат добилась от председателя Брянского совета военных депутатов полковника Иванова выдачи ордера на арест

офицеров 83-го пехотного запасного полка²⁵ во главе с командиром полка полковником С. С. Хлюдзинским²⁶. В этот же день нижними чинами были арестованы и заключены на гауптвахте другие офицеры Брянского гарнизона. В их числе были начальник гарнизона и начальник 23-й запасной пехотной бригады генерал-майор П. Н. Сивицкий²⁷, начальник штаба бригады капитан Дзерович, командиры некоторых полков, рот, батальонов (всего арестовано 20 офицеров)²⁸. После ареста Сивицкого Совет военных депутатов и Брянский Комитет общественной безопасности поставили во главе гарнизона капитана 11-го пехотного полка Приймака²⁹. Приказ № 25 по войскам Брянского гарнизона сообщал, что бывший начальник гарнизона генерал Сивицкий, его начальник штаба капитан Дзерович, адъютант начальника гарнизона прапорщик Беренс и подполковник Ковалевский заключены на гауптвахте, а остальные арестованные офицеры — под домашним арестом³⁰.

9 (22) марта солдаты гарнизона узнали об освобождении из-под стражи генерала Сивицкого и арестованных накануне офицеров. Среди войск и рабочих Брянска начались волнения. В Совет военных депутатов прибыли представители Брянского Совета рабочих депутатов и делегаты от войск гарнизона, потребовавшие ареста генерала Сивицкого и других освобожденных офицеров. Несмотря на распоряжение Совета военных депутатов о повторном аресте офицеров, волнения продолжались несколько дней³¹. На фоне этих событий 12 (25) марта Брянский гарнизон был приведен к присяге на верность Российскому государству³².

10 (23) марта Марков записал в дневнике о полученном им приказании от Горбатовского выехать в Минск для последующей поездки в Брянск, а также о своем «первом выступлении перед толпой» (вероятно в Минске)³³. Спешно выехавший из штаба 10-й армии генерал Марков, по-видимому, 13 (26) марта прибыл в Брянск. Его главной целью было успокоить волнения в городе и освободить арестованных офицеров, жизнь которых могла находиться под угрозой. События в Брянске стали для Маркова первым опытом сотрудничества с революционной демократией. Почти сразу по прибытии он принял участие в работе Брянского Совета военных депутатов. На состоявшемся 15 (28) марта заседании совета было заслушано «Внеочередное заявление генерала Маркова». В своем выступлении Марков особое внимание обратил на значение «Брянска для фронта как центра снабжения припасами и пополнения армии живой силой», а также «известил, что капитан Приймак утвержден начальником Брянского гарнизона». Тогда же был «заслушан отчет следственной комиссии» по делу генерала Сивицкого, главным выводом которой стало заявление о том, «что доказательств виновности генерала Сивицкого в намерениях вооруженной силой подавить народное движение, не найдено». Постановлением совета арестованные офицеры и бывший начальник гарнизона передавались «в распоряжение генерала Маркова для отправления их в сопровождении членов Совета военных депутатов в штаб главнокомандующего армиями Западного фронта»³⁴. В тот же день начальник Брянского гарнизона капитан Приймак поставил на письме Исполнительного комитета Совета военных депутатов от 15 (28) марта 1917 г. о предполагаемой отправке арестованных офицеров в штаб главнокомандующего армиями Западного фронта следующую резолюцию: «Освободить. Отправить под конвоем в Минск в распоряжение штаба главнокомандующего для содержания под стражей до суда»³⁵.

16 (29) марта был издан приказ по войскам Брянского гарнизона № 33, из которого видны подробности усилий Маркова по освобождению арестованных офицеров. Для этого ему пришлось запросить дополнительные полномочия в штабе армий Западного фронта. В приказе приводится разговор по прямому проводу между генералом Марковым (из Брянска) и начальником штаба Западного фронта генерал-лейтенантом М. Ф. Квецинским³⁶ в Минске. Марков: «Глав[но] ко[мандующему] Зап[адным фронтом]. Я говорю в присутствии приглашенных мною делегатов и очень прошу следующее: 1. Подтвердить теперь же по аппарату, что я получил указание о предстоящей мне деятельности в Брянске в Вашем кабинете от генерала [В. В.] Смирнова³⁷, а не от генерала [А. Е.] Эверта³⁸; 2. Теперь же телеграфировать в Брянск [, что] с полномочиям был послан я, а не генерал кн[язь Н. Е.] Туманов³⁹. Телеграмму необходимо подписать глав[но]ко[мандующему] Зап[адным фронтом]. До телеграммы прошу подтвердить по аппарату; 3. Прошу подготовить для провозимых двадцати четырех арестованных помещение, в котором они будут содержаться под арестом в Минске, впредь до решения их участи законным образом. Прошу ответа по аппарату, что помещение для офицеров будет приготовлено; 4. Прошу телеграфировать срочно коменданту Гомеля, чтобы вагон с арестованными был завтра 16 [(29) марта] прицеплен к поезду на Минск; 5. Прошу сейчас же по аппарату дать подтверждение, что генерал Сивицкий не получит строевой должности на фронте, не вернется в Брянск. Солдаты боятся его измены. Генерал *Марков*». Квецинский отвечал: «Был у глав[но]ко[мандующего] Зап[адным фронтом генерала В. В. Смирнова] отвечаю на все вопросы. 1. Вам даны были подробные указания в моем кабинете от генерала Эверта, который уже в это время фактически сдал главнокомандование армиями фронта; 2. Телеграмма начальнику гарнизона Брянска будет послана генералом Смирновым о том, что в Брянск были командированы с полномочиями Вы, а не ген[ерал] Туманов; 3. Помещение для привозимых 24[-х] арестованных будут в Минске подготовлено, но содержать [их] под арестом генерал Смирнов совершенно не согласен, так как считает вполне достаточным содержать их под строгим надзором коменданта города Минска; 4. Коменданту станции Гомель будет дана приказ прицепить № 16 к поезду идущему в Минск; 5. Генерал Сивицкий на фронте не получит строевой должности и не останется в Брянске. Все, как вы просите, будет исполнено. Генерал Смирнов просит передать, что всякие промедления восстановления порядка в Брянске он почтет направлением против требования Временного правительства и в частности военного министра [А. И. Гучкова]⁴⁰, которые предъявляют категорические требования к нему и войскам фронта о поддержании везде порядка и дисциплины. *Квецинский*. Начальник штаба»⁴¹.

Деникин, характеризуя ситуацию, сложившуюся в марте 1917 г. в Брянске, вероятно, на основе имевшихся у него более полных дневниковых записей Маркова в 1921 г. писал: «В Брянске вспыхнул военный бунт среди многочисленного гарнизона, сопровождавшийся погромами и арестами офицеров. Настроение в городе было крайне возбужденное. Марков многократно выступал в многочисленном совете военных депутатов и после бурных, страстных и иногда крайне острых прений ему удалось достигнуть постановления о восстановлении дисциплины и освобождении 20 арестованных [офицеров]. Однако после полуночи несколько

Рисунок «Генерал Марков. Ангел-хранитель» (Вестник первоходника (Лос-Анжелес). 1963. № 17. С. 13).

вооруженных рот двинулись на вокзал для расправы с Марковым, Большаковым⁴² и арестованными. Толпа бесновалась. Положение грозило гибелью. Но находчивость Маркова спасла всех. Он, стараясь перекричать гул толпы, обратился к ней с горячим словом. Сорвалась такая фраза: «...Если бы тут был кто-нибудь из моих железных стрелков, он сказал бы вам, кто такой генерал Марков!..» — «Я служил в 13-м полку», — отозвался какой-то солдат из толпы. «Ты?..» — Марков с силой оттолкнул нескольких окружавших его людей, быстро подошел к солдату и схватил его за ворот шинели. «Ты? Ну так коли! Неприятельская пуля пощадила в боях, так пусть покончит со мной рука моего стрелка...» Толпа заволновалась еще больше, но уже от восторга. И Марков с арестованными при бурных криках «ура» и аплодисментах толпы уехал в Минск⁴³. В письме жене от 23 марта (5 апреля) Марков сообщал: «Ездил я в Брянск налаживать отношения[,] там я вышел победителем, выступал в Минске и не без успеха, теперь, пока весь с головой ушел в работу в армии»⁴⁴. Результатом поездки Маркова и его выступлений на заседаниях Брянского совета стало освобождение на поруки 24 офицеров, лично отправленных им в штаб Западного фронта. Несмотря на всю сложность ситуации, Маркову удалось добиться передачи офицеров в руки командования, чему в немалой степени способствовал его авторитет офицера-фронтовика. Успех выступлений Маркова, вероятно, был связан и с его опытом незаурядного лектора, полученным во время преподавания в военно-учебных заведениях.

Удача «миссии в Брянске» привела к тому, что на некоторое время Марков включился в работу армейских комитетов, испытывая, очевидно, определенные иллюзии о возможности сотрудничества с создававшимися в армии органами «революционной демократии» и их влиянии на солдатские умы. Уже 18 (31) марта «сорганизовавшись собрался» Комитет офицерских депутатов штаба 10-й армии и Молодечненского гарнизона⁴⁵. 19 марта (1 апреля) состоялось первое заседание Совета солдатско-офицерских депутатов штаба 10-й армии и местного гарнизона, в работе которого принимал участие и Марков. 19 марта (1 апреля) Марков писал в дневнике: «Организуем офицерско-солдатский комитет штаба 10-й армии и местного гарнизона. После обеда первое собрание, в которое я попал в число шести единогласно»⁴⁶. В одном из писем жене он признавался: «Продолжаю кипеть в котле событий. Сiju во всех комитетах и советах»⁴⁷. Согласно опубликованной в газете «Вестник X армии» в разделе «Неофициальный отдел» информации, комитет «собравшись 20 марта (2 апреля) с. г. в числе прочих вопросов обсуждал вопрос, поднятый депутатом — генералом Марковым (генералом для поручений при командующем 10-й армией) о необходимости разъяснения солдатам текущих событий. После обсуждений, обмена мнениями было принято предложение генерала Маркова “Комитет офицерских депутатов штаба 10-й армии и местного гарнизона считает не только желательным, но и священной обязанностью каждого офицера, врача и чиновника пойти теперь же в свои части, к своим солдатам и разъяснить им все текущие события, а равно дать пояснения по вопросам, жгучим для военной среды в настоящее время”. Председатель комитета подполковник Головинский, секретарь комитета капитан Каминский. 31 марта (13 апреля) 1917 г. Действующая армия»⁴⁸.

Деникин, в распоряжении которого находился полный вариант дневника Маркова за это время, указывал, что в нем «говорится о [его] непрестанной работе во всяких советах и комитетах»⁴⁹. «Спокойное плодотворное заседание армейского съезда до глубокой ночи, — писал Марков 30 марта (12 апреля) в дневнике. — В перерыве до обеда я собрал лишь председателей всех наших комитетов, и мы выслушали доклад офицеров, приехавших или бежавших из частей 2-й Кавказской гренадерской дивизии. Возмутительная история, вера колеблется, это начало разложения армии»⁵⁰. 23 марта (5 апреля) Марков писал жене: «Я давно уже не был так занят как теперь. Меня оценило начальство высшее и я делаюсь популярен в работающих ныне военных комитетах, советах и т. д. Жизнь бьет ключом, делать надо много, не хватает сил и времени, а хороших, умных работников мало. Я честно иду по четкому пути, моей путеводной звездой служит любовь к Родине, желаю ей счастья. Я твердо верю, что свободная Россия будет Великой Россией. Мне предложили уже одну дивизию в Севастополе, мое прямое начальство хлопочет дать мне другую дивизию на фронте. Пусть будет что будет, все судьба»⁵¹. На Западном фронте Марков стал в это время «одним из “главноуговаривающих”», как называли тогда офицеров, умевших «найти ключ к сердцам солдат, вникнуть в их требования»⁵².

31 марта (13 апреля) 1917 г. собрание делегатов всех частей 10-й армии опубликовало воззвание «Офицеры и солдаты!», подписанное членами съезда⁵³, в числе которых был и Марков (его имя стояло первым из 30 подписавших

документ офицеров и солдат). Воззвание призывало к сохранению дисциплины и выражало готовность командования идти навстречу подчиненным: «Мы начали нашу работу по составлению положений о деятельности комитетов всех категорий. Завтра все касающееся ротных комитетов будет разослано на места. Начальство идет навстречу нашим работам. Нашу работу продолжаем. Необходимо соблюдать полное спокойствие и выдержку. Тыл успокаивается. Народная свобода окончательно закреплена. Помните свою ответственность перед свободной Родиной и не допускайте самоуправства. Только сплоченная единой организацией армия страшна противнику, который является единственным врагом нашей свободы»⁵⁴.

Стремясь использовать свое положение члена Совета солдатско-офицерских депутатов штаба 10-й армии, 5 (18) апреля 1917 г. в «Вестнике X армии» (в рубрике «Неофициальный отдел») Марков опубликовал небольшую заметку-воззвание, в которой объяснял позицию командования и подчеркивал чрезвычайную важность органов «армейской демократии». «Все положения о ротном и других комитетах высших соединений, разработанные съездом офицерско-солдатских делегатов частей X армии, командующий армией одобрил и приказал не мешать их осуществлению, — писал Марков. — Теперь вся Россия, все слои населения заняты самоорганизацией; только организованная работа даст плодотворные результаты и поведет нашу Родину по пути счастья, свободы и процветания. Мы, действующая армия, без организации — вооруженная толпа, страшная лишь для самих себя и граждан своей Родины. Рухнули старые порядки, необходимо, не теряя ни минуты, создать новые. Пусть высшее начальство и весь командный состав всей душой пойдет навстречу нарождающимся комитетам. Только совместная работа с ними сбережет России крепкую армию и даст победу. Комитеты не подрывают боевой власти начальников, они лишь облегчат их обычную, тяжелую работу, сняв с их плеч ряд забот хозяйственного и внутреннего распорядка. Для начальства настал час весь свой опыт, знания, силы отдать боевой работе. Для солдат — быть гражданином в лучшем смысле этого слова. Пойдем же дружно вперед, связанные великой любовью друг к другу и родине»⁵⁵.

Впрочем, уже в скором времени Марков прекратил свое участие в работе совета. Причиной этому послужило самоубийство генерал-лейтенанта В. О. Бенескула⁵⁶. 31 марта (13 апреля) вместо Минска, куда Марков по приглашению совета должен был ехать в качестве оратора, он по приказанию Горбатовского отправился во 2-й Кавказский армейский корпус. Днями ранее в корпусе разыгрались драматические события. 28 марта (10 апреля) толпа революционных солдат во главе с прапорщиком А. И. Ремневым⁵⁷ арестовала и сместила с должности командира 2-го Кавказского армейского корпуса генерала от артиллерии С. Б. Мехмандарова⁵⁸, выбрав на эту должность Бенескула. Марков, прибывший в корпус, выступил с резкой критикой действий Бенескула, принявшего новую должность из рук революционных солдат. «Видел [В. О.] Бенескула, принявшего управление корпусом из рук прапорщика [А. И.] Ремнева, — писал Марков в дневнике 31 марта (13 апреля). — Затем отправился в Залесье, где был собран корпусной комитет 2-го Кавказского корпуса... Получил от него полное осуждение роли Ремнева и 2-й Кавказской гренадерской дивизии... Ушел при криках овации по моему адресу».

Дальнейшие события развивались трагически. Не выдержав критики Маркова, под давлением ситуации Бенескул 2 (15) апреля покончил с собой. 2 (15) апреля Марков фиксировал в дневнике: «Утром узнал о самоубийстве генерала Бенескула. Днем [подполковник] Головинский сказал мне, что офицеры штаба 2-го Кавказского корпуса обвиняют меня в этом и что они решили написать три письма одинакового содержания генералу Мехмандарову, мне и госпоже Бенескул, давая последней право напечатать письмо в газетах. Мне в первый раз в жизни сказали, что я убийца. Не выдержал, сделалось дурно, самосознание говорит, что я виновен. Не надо было говорить Бенескулу о некорректности его принятия корпуса из рук прапорщика Ремнева. Я должен был знать его слабость духа, воли, его мягкость. Вечером собрались все наши комитеты и многочисленная публика; я пришел и, заявив, что я убийца, просил судить меня. Через несколько времени за мной прибежали офицеры и солдаты с просьбой выслушать их постановление. Мое появление, чтение постановления, в котором говорилось, что я поступил, как честный солдат и генерал, и мой уход — сплошная овация всего собрания. И все же это великий урок на будущее»⁵⁹.

10 (23) апреля, спустя неделю после самоубийства Бенескула, Марков принял решение отойти от активной работы в органах армейской демократии. «Утром подал заявление в оба комитета о своем отказе. Устал я, да, вероятно, скоро, наконец, получу назначение», — записал он в дневнике⁶⁰. 15 (28) апреля 1917 г. С. Л. Марков был назначен командующим 10-й пехотной дивизией 5-го армейского корпуса, воевавшего в составе армий Юго-Западного фронта. 16 (29) апреля Марков писал жене из поезда: «Пишу тебе в вагоне, в дороге на Могилев, точнее на Оршу, откуда через Могилев, Киев, поеду на Дубно в штаб 11-й армии. Качка мешает писать. Моя дивизия стоит где-то около Брод, впрочем, точно не знаю. Я ужасно рад, что вырвался из Молодечно, надоело там, скучный и несчастливый фронт. Порадуйся и ты за меня, знаю, что трудно теперь, но вместе с тем знаю, что переживаемая теперь эпоха пройдет, пройдут и наши волнения, ждет нас лучшее, вытянем и мы с тобой... Последние дни в Молодечно провел мирно, меня никто не тревожил, простились со мной тепло»⁶¹.

Участие Маркова в деятельности создаваемых в армии органов «революционной демократии» в марте — апреле 1917 г. закончилось для него драматически. Как потомственный военный, всю свою жизнь посвятивший армии, Марков, безусловно, не испытывал больших иллюзий по поводу работы армейских комитетов всех уровней и их способности поддерживать в армии порядок. Тем не менее на волне Февральской революции он принял самое активное участие в деятельности армейских комитетов и даже имел определенный успех в работе с ними. Приняв Февральскую революцию, Марков считал главной своей задачей сохранение боеспособности армии, ради чего был готов принять внешне революционную риторику комитетов и советов. Самоубийство В. О. Бенескула ускорило его разочарование в органах революционной власти и способности офицеров поставить процесс «демократизации» армии под свой контроль.

Оценка Марковым Февральской революции и падения монархии в сохранившихся документах противоречива. С одной стороны, он принял революцию и приветствовал уход «кошмарного старого», с другой — не представлял себе

Листовка ОСВАГа «Генерал Марков». 1919 г. (РГВА. Ф. 39689. Оп. 1. Д. 9. Б/н).

Россию республикой. Как и многие другие русские офицеры, Марков встретил революцию не только с беспокойством за судьбу своих близких и за фронт, но и с некоторыми надеждами на оздоровление жизни общества и армии. Очевидно, что ради победы над внешним врагом он искренне готов был сотрудничать с Временным правительством. Последовавшая служба Маркова на разных должностях, вплоть до ареста и заключения после Корниловского выступления, не изменила серьезно его политических взглядов. Вместе с тем реальность, с которой Марков

столкнулся уже в первые революционные дни, постепенно привела его к разочарованию в демократической власти и определенном «поправении» во взглядах к концу 1917 г. Эволюция его взглядов на политическое устройство страны отразилась в его последующих словах, зафиксированных мемуаристами. В их числе и высказанное Марковым в конце 1917 г. мнение, о том, что Россия «не достойна еще иметь царя», а сам он «не может себе представить Родину республикой».

¹ Деникин Антон Иванович (1872–1947), генерал-лейтенант (1916), один из главных деятелей Белого движения; близкий друг генерала Маркова, с которым связана почти вся его служба, начиная с декабря 1914 г. С 2 (15) августа 1917 г. — главнокомандующий Юго-Западного фронта. 29 августа (11 сентября) вместе со своим начальником штаба генералом Марковым отчислен от должности за поддержку Корниловского выступления.

² Горбатовский Владимир Николаевич (1851–1924), генерал от инфантерии (1914); с декабря 1916 г. — командующий 10-й армией Румынского фронта; в апреле 1917 г. снят с должности, переведен в резерв.

³ Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918), военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1914), генерал-адъютант (1916), один из основателей Белого движения. С апреля по май 1917 г. — верховный главнокомандующий русской армии.

⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 г. Paris, 1921. С. 98–101.

⁵ Маркова Марианна Павловна (урожденная княжна Путятина) (1884–1972).

⁶ Письмо С. Л. Маркова М. П. Марковой от 22 января (4 февраля) 1917 г. Архив автора.

⁷ Письмо С. Л. Маркова М. П. Марковой от 26 января (8 февраля) 1917 г. Архив автора.

⁸ Письмо С. Л. Маркова М. П. Марковой от 4 (17) марта 1917 г. Архив автора.

⁹ В данном случае речь идет о части пассажирской платформы железнодорожного вокзала.

¹⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917) / науч. ред., предисл. А. С. Пученкова. М., 2017. С. 209.

¹¹ Павлов Василий Ефимович (1895–1989), подполковник; в Гражданскую войну — в рядах белых армий Юга России; офицер-марковец.

¹² Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. / [сост. В. Е. Павлов]. Кн. 1. Зарождение Добровольческой армии. Первый и Второй Кубанский походы. Париж, 1962. С. 74.

¹³ Бондаренко В. В. Сергей Марков: «И жизнь, и смерть за счастье Родины» // Бондаренко В. В. Легенды Белого дела. М., 2017. С. 28–29.

¹⁴ Холяев С. В. Могли ли белые быть монархистами? // Власть. 2011. № 7. С. 140.

¹⁵ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 209 (здесь и далее все цитаты приведены по изданию 2017 г.).

¹⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова (август 1917 г. — апрель 1918 г.) / науч. ред. А. С. Пученков. М., 2017. С. 94.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5827; Деникин Антон Иванович, генерал-лейтенант, главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–13 об.

¹⁸ Ганин А. «Всей душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого...» // Родина. 2016. № 12. С. 107.

¹⁹ Там же. С. 109.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 24. Л. 7–7 об.

²¹ Уже 10 (23) апреля 1917 г. Горбатовский был смещен на посту командующего 10-й армией (новым командармом стал генерал-лейтенант Н. М. Киселевский) и переведен в резерв. По воспоминаниям генерал-лейтенанта В. Н. Минута, для Горбатовского «комитеты были совершенно непонятны. Когда ему было доложено о сформировании войсковых комитетов, о том, что

они приступили уже к своей деятельности и было уже заседание смешанного солдатско-офицерского комитета, на котором председательствовал солдат, а в числе членов были не только обер-офицеры, но даже молодой, выдающийся во всех отношениях генерал, генерал-майор Марков... то на его лице изобразился чуть ли не ужас» (*Мицум В. Н.* Под большевистским игом: В изгнании: Воспоминания. 1917–1922 / вступ. ст. и коммент. К. А. Залесского. М., 2016. С. 33).

²² Почти одновременно приказ (№ 1400) в котором основное внимание было уделено необходимости сохранения дисциплины в воинских частях, 7 (20) марта отдал главком армиями Западного фронта генерал от инфантерии А. Е. Эверт: «Войска Западного фронта! К вам всем, начиная с высших начальников и кончая последним рядовым, обращаюсь я ныне с начальническим приказом и отеческим наставлением. Теперь, когда события, происходящие в тылу нашем во внутренних областях нашего Отечества, могут смутить ваши сердца и отвлекь ваше внимание от того великого дела, которому мы все призваны служить под славными знаменами российскими, считаю долгом своим напомнить вам, что и теперь, как и раньше, все силы наши и все помыслы свои мы должны направить к одной великой и неизменной задаче, поставленной нам нашей Родиной, — сломить мощь вражью, изгнать австро-германцев из пределов земли Русской и славными победами завоевать Родине почетный и долгий мир, а себе неувядаемую славу. Ради этого послала Родина наша нас, сынов своих, на боевую страду, ради этого пролилось столько крови русской, ради этого отдают нам, воинам, наши сограждане свои последние сбережения и свой труд. И если мы хотим быть достойными этих жертв, этой любовной заботы Родины-Матери, а кто же из нас не хочет этого, то мы все от мала до велика должны все свои силы и помыслы сосредоточить на том, чтобы нести нашу воинскую службу по долгу совести и присяги, нами принятой, чтобы достигнуть желанной победы. Но напоминаю вам, что первым и основным требованием службы воинской, первым условием победы является сохранение в войсках дисциплины, т. е. того порядка службы, который установлен воинскими законами, уставами и приказами военного начальства. И я напоминаю вам то, чему нас всех учили, напоминаю, что воинская дисциплина состоит в строгом исполнении правил, предписанных военными законами, а поспеу мы она обязывает точно и беспрекословно исполнять приказания начальства, сохранять во вверенной команде порядок, заботиться о нуждах своих подчиненных и не оставлять проступков и упущений без взысканий. Соблюдение и неукоснительное поддержание самой строгой дисциплины — это первое требование нашего молодого Правительства и мое, от всех начальствующих лиц, особенно от молодых гг. офицеров и из нижних чинов. Второе же требование от всех и каждого, состоящего в рядах доблестных войск армий вверенного мне фронта, — не заниматься полтиканством, не тратьте зря время и нервы на бесцельное обсуждение того, что происходит в тылу и во внутреннем управлении России. Войска должны смотреть вперед, в глаза врагу, а не оглядываться назад на то, что делается в тылу, внутри России. Будем заботиться о своем деле, о том, чтобы у нас [в] действующей армии был порядок необходимый для успеха нашего воинского дела, о порядке в тылу предоставим заботиться тем, на кого эти заботы возложены доверием народным с верою в то, что они исполнят свой долг перед Родиной так же честно, как и мы должны исполнить и исполним до конца свой. Помните только одно: за нами Родина, ждущая от нас победы, а перед нами — враг, которого мы должны сокрушить и с Божьею помощью сокрушим» (Вестник X армии. № 810. 7 марта 1917 г. С. 1).

²³ Николай Николаевич (Младший) (1856–1929), великий князь, военачальник, генерал от кавалерии (1900); с началом Первой мировой войны — верховный главнокомандующий русской армии; в августе 1915 г., после принятия Николаем II верховного главнокомандования, получил назначение наместником на Кавказ и главнокомандующим Кавказской армией; в феврале 1917 г., одновременно с подписанием акта об отречении, был назначен Николаем II верховным главнокомандующим (после признания Временным правительством этого назначения нежелательным 11 (24) марта 1917 г. отчислен от должности и уволен со службы).

²⁴ Вестник X армии. № 809. 6 марта 1917 г. С. 1–2.

²⁵ Государственный архив Брянской области (далее — ГАБО). Ф. 1616. Оп. 1. Д. 1. Л. 77–78. — Здесь и далее при отсылке к событиям, происходившим в Брянске, использованы материалы совместного проекта Брянской областной научной библиотеки им. Ф. И. Тютчева и краеведческого альманаха «Брянский Вестник»: 1917. Хроники Брянского края. URL: <http://1917.ra-ks.ru> (дата обращения: 09.09.2017).

²⁶ Хлюдзинский Степан Станиславович (1858–?), полковник (1916); с августа 1916 г. — командир 83-го пехотного запасного полка.

²⁷ Сивицкий Петр Николаевич (1855–?), генерал-лейтенант (1917); с мая 1915 г. — начальник 23-й запасной пехотной бригады; после отстранения от должности — в резерве чинов при штабе Минского военного округа.

²⁸ ГАБО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 9. Л. 16–16 об.

²⁹ Там же. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.

³⁰ Там же. Ф. 334. Оп. 1. Д. 44. Л. 18.

³¹ Там же. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 1. Л. 84–85 об.

³² Там же. Ф. 334. Оп. 1. Д. 44. Л. 38 об.

³³ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. С. 209.

³⁴ ГАБО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 9. Л. 12–13.

³⁵ Там же. Л. 16.

³⁶ Квецинский Михаил Федорович (1866–1923), генерал-лейтенант (1914); с сентября 1915 г. — начальник штаба армий Западного фронта.

³⁷ Смирнов Владимир Васильевич (1849–1918); генерал от инфантерии (1908); в марте 1917 г. после смещения А. Е. Эверта непродолжительное время занимал должность главкома армий Западного фронта (в апреле 1917 г. переведен в распоряжение военного министра).

³⁸ Главком армий Западного фронта генерал от инфантерии Алексей Ермолаевич Эверт (1857–1918) уже 11 (24) марта был снят с должности.

³⁹ Туманов Николай Евсеевич (1844–?), князь, инженер-генерал (1907); с июня 1916 г. — главный начальник снабжений армий Западного фронта.

⁴⁰ Гучков Александр Иванович (1862–1936); политический и общественный деятель, один из основателей и лидеров партии «Союз 17 октября»; в первом составе Временного правительства — военный и морской министр (до 2 (15) мая 1917 г.).

⁴¹ ГАБО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 9. Л. 13–13 об.

⁴² Вероятно, речь идет о социалисте-революционере Михаиле Григорьевиче Большакове или социал-демократе (меньшевике) Михаиле Александровиче Большакове — в 1917 г. членах Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

⁴³ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. С. 210.

⁴⁴ Письмо С. Л. Маркова М. П. Марковой от 23 марта (5 апреля) 1917 г. Архив автора.

⁴⁵ В Молодечно располагался штаб 10-й армии Западного фронта.

⁴⁶ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. С. 210.

⁴⁷ Письмо С. Л. Маркова М. П. Марковой от 2 (15) апреля 1917 г. Архив автора.

⁴⁸ Вестник X армии. № 837. 3 апреля 1917 г. С. 1.

⁴⁹ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. С. 211.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Письмо С. Л. Маркова М. П. Марковой от 23 марта (5 апреля) 1917 г. Архив автора.

⁵² *Бондаренко В. В.* Сергей Марков... С. 30.

⁵³ Воззвание подписали: «Представитель собрания поручик Волковинский. Товарищ председателя солдат Печерский. Офицеры: генерал-майор Марков, подпоручик Данилов-Тюников, подпоручик Никольский, капитан Щацкий, штабс-капитан Николаев, поручик Будовой, подпоручик Васильев, прапорщик Курилович. Солдаты: Шишкин, Сергиевский, Герасин, Балтушис, Кирсанов, Тихов, Спрогис, Хмара, Колтунов, Козлов, Лисовенко, Кудрявцев, Юнкеров, Любимовский, Алексей Козлов, Рубенштейн, Македонский, Салтыков».

⁵⁴ Вестник X армии. № 834. 31 марта 1917 г. С. 2.

⁵⁵ Там же. № 839. 5 апреля 1917 г. С. 1.

⁵⁶ Бенескул Владимир Онуфриевич (1863–1917), генерал-лейтенант (1915); с декабря 1914 г. — командующий (позднее утвержден в должности) 51-й пехотной дивизией.

⁵⁷ Ремнев Афанасий Иосифович (1890–1919); к началу 1917 г. — прапорщик 25-го гренадерского Сурамского полка (до января 1917 г. — 703-й пехотный полк), активный участник революционных событий в армии.

⁵⁸ Мехмандаров Самед Бек Садык Бек (1855–1931), генерал от артиллерии (1915); с декабря 1914 г. — командир 2-го Кавказского армейского корпуса; в марте 1917 г. отстранен солда-

тами от командования корпусом, затем отчислен в резерв чинов при штабе Минского военного округа.

⁵⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 212.

⁶⁰ Там же. С. 212.

⁶¹ Письмо С. Л. Маркова М. П. Марковой от 16 (29) апреля 1917 г. Архив автора.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гагкуев Р. Г. Генерал С. Л. Марков в январе — апреле 1917 г. // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 368–385.

УДК 94(47).084.1

Аннотация: Статья рассказывает о жизни генерала Сергея Леонидовича Маркова в начале 1917 г., когда он занимал должность генерала для поручений при командующем 10-й армией генерале от инфантерии В. Н. Горбатовском. Особое внимание уделено деятельности Маркова в первые месяцы революции, когда в марте — апреле 1917 г. он вел активную деятельность в возникших на Западном фронте Первой мировой войны армейских комитетах. На этот период (март 1917 г.) пришлось командировка Маркова в Брянск, в котором начались волнения в городском гарнизоне. Брянским советом военных депутатов и образовавшимися военными комитетами был арестован ряд офицеров. Результатом поездки Маркова и его выступлений на заседаниях Брянского совета стало освобождение на поруки 24 офицеров, лично отправленных им в штаб Западного фронта. Успех командировки в Брянск привел к тому, что на некоторое время Марков активно включился в работу армейских комитетов (вошел в состав Комитета офицерских депутатов штаба 10-й армии). Приняв Февральскую революцию, Марков считал своей главной задачей сохранение боеспособности армии, ради чего был готов принять внешне революционную риторику комитетов и советов. Отдельно рассматривается вопрос об отношении Маркова к монархии. Для написания статьи использовались материалы военной периодики 1917 г. (газета «Вестник X армии»), материалы фондов Государственного архива Брянской области, а также отрывки из неопубликованных писем Сергея Маркова к своей супруге Марианне Марковой из личного архива автора.

Ключевые слова: генерал С. Л. Марков, Февральская революция, армейские комитеты, советы солдатских депутатов, Западный фронт.

Сведения об авторе: Гагкуев Р. Г. — доктор исторических наук, ведущий научный специалист Центра военной истории России Института российской истории РАН (Москва, Россия); gagkuev@yandex.ru

FOR CITATION

Gagkuev R. G. 'General S. L. Markov in January — April 1917', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 2, 2018, pp. 368–385.

Abstract: The article describes the life of General Sergey Leonidovich Markov at the beginning of 1917 when he held the position of the Inspector General under General of Infantry V. N. Gorbatovsky, commander of the 10th army. Special attention is devoted to Markov's activity in the first months of the Revolution when in March-April, 1917 he participated in the army committees which appeared on the Western Front during World War I. During this period (March 1917) Markov visited Bryansk, where outbreaks in the city garrison took place and which started with the beginning of the February Revolution. A number of officers had been arrested by the Bryansk Council of Military Deputies and by military committees which had been formed before. The result of Markov's trip and his speeches at the meetings at the Bryansk Council implemented in the bailment of 24 officers who he personally sent to the headquarters of the Western Front. The success of the trip to Bryansk led to the fact that for a while Markov actively worked for the army committees (he joined the Committee of Officers' Deputies in the 10th Army). Having accepted the February Revolution Markov considered his main task in maintaining the army's combat efficiency, for which he had to partly support the revolutionary rhetoric of committees and councils. Markov's

attitude towards the monarchy is the subject of particular consideration in the article. To write the article the materials of the military periodicals of 1917 (the newspaper "Vestnik X of the Army"), the State Bryansk Region Archives materials, as well as excerpts from Sergei Markov's letters to his wife Marianna Markova taken from the personal archive were used.

Keywords: General S. L. Markov, February Revolution, Army Committees, Councils of Soldier's Deputies, Western front.

Author: Gagkuev R. G. — Doctor of History, Leading Scientific Specialist of the Russian Military History Center of the Institute of Russian History (RAS) (Moscow, Russia); gagkuev@yandex.ru

References:

Bondarenko V. V. 'Sergej Markov: "I zhizn, i smert za schastie Rodiny"', Bondarenko V. V. *Legendy Belogo dela* (Moscow, 2017).

Denikin A. I. *Ocherki russoj smuty*, Vol. 1, Iss. 1, *Krushenie vlasti i armii. Fevral' — sentjabr' 1917 g.* (Paris, 1921).

Denikin A. I. *Ocherki russoj smuty*, Vol. 1, Iss. 2, *Bor'ba generala Kornilova. Avgust 1917 — april' 1918 g.* (Paris, 1922).

Denikin A. I. *Ocherki russoj smuty*, Vol. 1, *Krushenie vlasti i armii (fevral' — sentjabr' 1917)*, Ed., intr. A. S. Puchenkov (Moscow, 2017).

Denikin A. I. *Ocherki russoj smuty*, Vol. 2, *Borba generala Kornilova (avgust 1917 g. — april' 1918 g.)*, Ed., intr. A. S. Puchenkov (Moscow, 2017).

Ganin A. "Vsej dushoj ne zhelaju moej Rodine vozvrashchenija koshmarnogo starogo", *Rodina*, no. 12, 2016.

Kholyaev S. V. 'Mogli li belye byt monarkhistami?', *Vlast*, no. 7, 2011.

Markovcy v bojach i pohodakh za Rossiju v osvoboditelnoj vojne 1917–1920 gg., Book 1, *Zarozhdenie Dobrovolcheskoj armii. Pervyj i Vtoroj Kubanskij pokhody* (Paris, 1962).

Minut V. N. *Pod bolshevistskim igom; V izgnanii: Vospominanija. 1917–1922*, Intr. and comm. K. A. Zaleskiy (Moscow, 2016).